

Великий и мудрый человек *

К 10-летию со дня смерти А. М. ГОРЬКОГО

III

Вспоминаю, мы приехали с писательского съезда на автомобилях. До восьми вечера шло заседание на открытой террасе загородного дома, где жил Алексей Максимович со своей семьей. Горький говорил о необходимости уделить особое внимание национальным литературам, вообще искусству каждой национальной республики, входящей в СССР. Постановлено было издавать журнал с переводами лучших произведений на русский язык, организовать показ национальных драматических, оперных, балетных трупп в Москве и т. д. Все устали от долгого заседания и по окончании его разбрелись отдышаться в парке и в лесу над рекой.

Над землей легли сумерки. В одиночестве Горького не оставляли ни на одну минуту. Он медленно шел по дорожке сада в сопровождении целой группы мужчин и женщин задумчивый, тихий, сосредоточенный. Проникновенное выражение, скорбное, почти трагическое было в его лице. И казалось, несет он на своих широких плечах незримую тяжкую ношу. Несет один, разделить ее не с кем. Никто из идущих вслед не осилит даже части ее. Когда мы прощались в этот вечер, мне хотелось сказать ему, как много значит то, что он есть среди нас. Но ведь не найдешь убедительных слов большой человеческой любви в обращении к

* Окончание. Начало см. «Московский комсомолец» № 67 от 1 июня 1946 года.

живому, чтобы они не звучали как лесть, как жалость, как приторная чувствительность, особенно если человек стоит выше тебя. Алексей Максимович почувствовал мою благодарную преданность во взгляде и при прощании ответил очень ласково:

— До свиданья, многоуважаемая татарка... с глазами, как шарикоподшпники.

Это обращение ко мне он повторил в письме из Тессели в Крыму, последнем письме, полученном мной от Максима Горького. В нем же написал он самую большую похвалу, назвал меня «человеком, влюбленным в литературу». Я общаю эти дорогие для меня случаи личного внимания не для того, чтобы похвалиться. Алексей Максимович был очень внимателен к людям. Я — одна из многих, которых дружеская ласка писателя в личном общении поддерживала в тяжелый час. И в моих воспоминаниях я не могу умолчать о ней.

Влияние таких друзей Максима Горького, как Ленин и Сталин, сказалось в требованиях писателя к себе и к другим литераторам. Горький не терпел отрыва писателя от коллектива. Он хотел, чтобы мы знали, видели человека нашей эпохи в жизни. Хотел, чтобы мы знали прошлое людей, положивших основу социалистического труда. Поэтому им создавались коллективные писательские работы по истории заводов, городов, воспитательных уч-

реждений. Когда план работ и собранные сведения представлялись ему на суд, то он не допускал малейшей неточности. Исключительно трудоспособный сам, не терпел он лени, разгильдяйства, неглубокой работы. Он нежно относился к профессору А. Д. Сперанскому и уважал его не только за его талантливость, но и работоспособность. Горький говорил мне:

— Поучились бы вы, сударыня, работать у Сперанского. Дома не удастся писать, так он спребет все свои ночные записи на скатерть, завяжет узлом и несет в институт. Пишет где только можно, в любой час, который урвет от общей работы для своей книги. Мне З. чудеса о нем рассказывал. Литераторы так работать не умеют.

Сам он умел. Ближним его приходилось буквально отрывать Алексея Максимовича от работы или чтения захватившей его книги. Он обманывал бдительность людей, оберегающих его силы и покой. Долго читал по ночам, когда думали, что он уже спит. Однажды во время завтрака он объявил присутствовавшим:

— А я всю ночь не спал, зачитался. Хорошая книжка «Жизнь Имеретина Старшего». Очень интересная.

Винювата перед автором, если неверно пишу название. После похвалы Горького, разумеется, я прочитала эту книгу. Действительно интересная и хорошая. И уж Горький никогда бы не забыл ни названия, ни имени автора. Кто-то из близких упрекнул Алексея Максимовича за бессонную ночь. Он лукаво сморщился, комично развел руками, сказал:

— Проговорился! Следить строже станут, черти драповые!

Чрезвычайно впечатлительный, Алексей Максимович нередко плакал от музыки,

песни, стихотворения, картины, от иного отдельного выражения в рассказе. Слез своих не любил, всегда в них оправдывался, как виноватый. Эта чувствительность не мешала ему быть жестоким, когда он считал неправильным поведение человека или даже отдельное выступление.

Алексей Максимович часто и многим заявлял, что считает себя плохим драматургом. Я этому заявлению не верила. Уж очень близко к сердцу он принимал отрицательное отношение именно к драматическим своим произведениям. Выслушивая мнение о них, он вступал в пререкания, оправдывался, сердился. Расспрашивая меня о пьесе «Егор Булычев и другие», он задавал множество вопросов. По моему скромному пониманию, эта пьеса глубока по содержанию и доходчива до зрителя. Я смотрела ее много раз с неослабным увлечением. После премьеры я сказала Алексею Максимовичу, что появление духовенства в финале вызывает досадное впечатление. Алексей Максимович разгорячился, стал пожимать плечами, разводил руками, восклицать, каплять:

— Как же вы не видите, что это не мое, не мое! Пристегнуто театром, пристегнуто. Ведь это ясно по всему тону пьесы. Чутья у вас нет, даете оценку скандачка! Вот посмотрите мой текст, вот — где здесь попы?

Он не успокоился, пока я не прочитала авторскую концовку пьесы. А что ему, прославленному и знающему свои силы, моя оценка? Он любил драматургию ревнивой любовью и дрожал «над каждой соринкой» в оценке личного вклада в нее.

IV

Умер сын Алексея Максимовича. Зарывали его в могилу, когда земля еще не промерзла, но стала студеной. Скрипели веревки, на которых спускали гроб в

глухое лоно. Когда надо было бросить первую горсть земли, появился у могилы Горький. Я не видела, как он сбросил скорбную дань на последнюю кровлю любимого сына. Но я увидела сзади, как затряслись широкие плечи, дрогнула сутулая спина высокого человека. Его подхватили под руки, повели к выходу с кладбища.

Жизнь требует доверия, не допускающего страхов за будущее. Еще решительней не допускает она бесполезного сетования на прошлое. Но как же не сетовать? Скорбь свою об утрате сына Алексей Максимович переживал в тесном кругу своих кровных родных и очень близких друзей. Нам он ее не показывал. После похорон он показался в нашей среде по-прежнему трудолюбивый, действительно мечтающий о будущих радостях жизни, горячий в любви и ненависти, неуступчивый в борьбе с политическим упадничеством. Но чаще, чем прежде, охватывала писателя физическая жизненная усталость, он то и дело прихварывал. Как всякая яркая человеческая личность, создающая правоту своего жизненного утверждения, Алексей Максимович боялся смерти. Как-то приехали писатели к Алексею Максимовичу домой на свидание с Ромэн Ролланом. В хороший летний день, а может быть, в самом начале погожей осени это происходило, не помню. Роллан был одет в теплую длинную накидку с воротником светло-шоколадного цвета, похожую на старинную женскую тальму. И под ней он часто ежился зябко и жалобно. Говорил он тихим голосом. Для личной беседы с ним литераторы подходили поодиночке, по зову его жены. Худое бескровное лицо Роллана светилось восковым отливом. Рядом с ним Алексей Максимович казался

здоровым, чуть пожилым, никак не стариком. Я курила в коридоре, полуприкрытая половинкой двери. Алексей Максимович тоже вышел из комнаты покурить и встал рядом со мной. Он стал сердито разговаривать со мной о том, что я мало пишу:

— Не работаете, Сейфуллина, это стыдно! Неужели вам не завидно, что другой литератор нарисует образ советской женщины?

Неожиданно для себя самой у меня вдруг брызнули слезы. Горький растерялся. Он всегда терялся перед чужими слезами:

— Ну, что это вы? Как это можно! Спрячьтесь за дверь, я вас загорожу. О чем плакать? Я вот и то не плачу, а как меня трянуло.

Слезы у меня высохли быстро. Была это какая-то досадно случайная женская слабость. Я спросила:

— Как вас трянуло? Что случилось?

— Припп. Думал, не выкарабкаюсь. Все труднее становится сопротивляться, а хуже смерти — ничего нет, татарка! Запомните это. Гнусное дело, я его не хочу.

— Ну, что вы, Алексей Максимович, что вам о смерти разговаривать. По виду вы Ромэн Роллану в сыновья годитесь.

— Правда? — доверчиво спросил он и улыбнулся широко и довольно. Потом добавил серьезно и убежденно:

— В сыновья — не в сыновья, а крепче его. Отдыхался и сейчас здоров. Умирать унижительно! А в наше время не стоит, прямо не стоит.

Это в последний раз я видела его живым лицом к лицу. 18 июня 1936 года Горького не стало.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

г. МОСКВА

- 8 ИЮН 46